

На правах рукописи

Милованова Анна Игоревна

**КЛЮЧЕВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ,
ВЫРАЖАЮЩИХ СВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ НАИМЕНОВАНИЕ
НЕРЕАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ, КАК ВЕРБАЛИЗАТОРЫ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА РУССКОГО НАРОДА**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2021

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Скуридина Светлана Анатольевна

Официальные оппоненты: **Супрун Василий Иванович,**
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»,
кафедра русского языка и методики его
преподавания, профессор

Скоморохова Светлана Витальевна,
кандидат филологических наук, доцент,
Орский гуманитарно-технологический
институт (филиал) ФГБОУ ВО «Оренбургский
государственный университет», кафедра
русского языка и литературы, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Самарский национальный
исследовательский университет имени
академика С.П. Королева»

Защита состоится «23» ноября 2021 г. в 10.00 часов на заседании дис-
сертационного совета Д 212.059.03 по защите докторских и кандидатских дис-
сертаций в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина по
адресу: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, ауд. № 301.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библио-
теки Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина по адре-
су: 399740, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д.28 и на сайте
https://elsu.ru/nauka/dissovet3/6049-full_diss_03.html

Автореферат разослан «___» октября 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.А. Трубицина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Несмотря на многовековое существование русского языка, изучение его некоторых единиц, а именно фразеологизмов, началось сравнительно недавно и продолжается по сей день. За последние 80 лет в области фразеологии как разделе языкознания, изучающем данные устойчивые обороты, появилось большое количество исследований, посвященных определению дифференциальных признаков фразеологизмов, их места в системе языка, а также их основных функций.

Фразеологический фонд языка является отражением национально-культурной специфики того или иного народа, его многовекового опыта и наблюдений. Русская фразеология – это крупнейший пласт значимых, с точки зрения языка и культуры, единиц, углубленное изучение которых позволяет лучше познать не только народ, создавший данные обороты, но и процессы, происходящие в языке.

Среди фразеологизмов русского языка нами был выделен пласт фразеологических единиц (ФЕ), которые выражают свое значение через наименование нереального явления, лежащего в их основе. Под *нереальным явлением* нами понимается что-либо не существующее в действительности, то есть какое-либо неосуществимое, невыполнимое, неисполнимое, несбыточное, невозможное, нежизненное, ирреальное явление. Подобные фразеологические единицы вызывают интерес в связи со своей образностью, использованием сочетаний противоречащих друг другу понятий в структуре оборотов, а также в связи с наличием компонентов, отражающих национально-культурную специфику.

Сегодня научные исследования в области фразеологии посвящены изучению ФЕ через доминирующий лексический компонент (соматический, гастрономический, компонент-зооним и др.), который зачастую позволяет раскрыть важную информацию для понимания национально-культурной специфики, заключенной во фразеологизмах.

Так, в рамках данного исследования фразеологизмы русского языка, выражающие свое значение через наименование нереального явления, были сгруппированы на основании выделения доминирующей лексической единицы, участвующей в образовании нереального образа во фразеологических оборотах, в связи с чем были проанализированы:

- фразеологизмы с соматическим компонентом,
- фразеологизмы с компонентом-зоонимом,
- фразеологизмы с пространственным и временным компонентами.

Отдельную группу составили прочие фразеологизмы, доминирующие компоненты которых лишь несколько раз участвуют в формировании наименования нереального явления в ФЕ.

Группы фразеологизмов с временным и пространственным компонентами были объединены в одну в связи с неразрывностью категорий пространства и времени при познании человеком окружающего мира и своего места в нем (ср. термин М.М. Бахтина, *хронотоп*, обозначающий «существенную взаимосвязь

временных и пространственных отношений: приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем»¹.

Указанные нами доминирующие лексические единицы являются ключевыми компонентами кода русской культуры, репрезентируемом в фразеологии. Код культуры – это «исторически сложившаяся нормативно-ценностная символическая система вторичного означивания, которая несет в себе культурную информацию о мире и социуме, структурирует, организует этнокультурное сознание и проявляется в процессах категоризации и концептуализации действительности, языкового миромоделирования»².

В связи с этим следует заключить, что данное комплексное исследование фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереальных явлений, выполнено в русле современных исследований в области русской фразеологии, так как направлено на раскрытие ключевых компонентов культурного кода. Все вышесказанное определяет **актуальность** настоящего исследования.

Научная новизна состоит в том, что впервые с целью выявления ключевых (доминирующих) компонентов как носителей кода русской культуры анализируются фразеологизмы, выражающие свое значение через наименование нереального явления.

Объектом исследования являются фразеологические единицы, выражающие свое значение через наименование нереальных явлений.

Предметом исследования стали ключевые (доминирующие) компоненты фразеологических единиц, выражающих свое значение через наименование нереальных явлений.

Цель настоящего исследования – выявление ключевых компонентов фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, как носителей кода русской культуры. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) определить основные теоретические подходы к теме диссертационного исследования;

2) выделить корпус фразеологических единиц, выражающих свое значение через наименование нереальных явлений, в русском языке;

3) выявить способы формирования нереального явления при помощи ключевого (доминирующего) лексического компонента во фразеологизмах;

4) проанализировать национально-культурное своеобразие фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, в русской языковой картине мира.

5) определить возможность ключевых компонентов фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, выступать носителями кода русской культуры.

Цель и задачи данной научной работы обусловили выбор **методов** исследования: метод системного научного описания, в частности, такие его приемы,

¹ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С.235

² Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2012. С.7.

как выборка языковых единиц, сопоставление, классификация, интерпретация и обобщение; семантический метод исследования позволил объединить фразеологизмы в группы на основании общности значения.

Материалом для научного исследования послужили 222 русских фразеологических единицы, выборка которых проводилась из следующих лексикографических источников: В.Н. Телия «Большой фразеологический словарь русского языка: 1500 фразеологизмов» (Москва 2006), А.К. Бирих «Русская фразеология: историко-этимологический словарь: около 6000 фразеологизмов» (Москва 2005), Е.А. Быстрова «Фразеологический словарь русского языка: около 1000 единиц» (Москва 2002), А.В. Жуков «Лексико-фразеологический словарь русского языка: более 1400 фразеологических единиц» (Москва 2007), А.М. Мелерович «Фразеологизмы в русской речи: около 1000 единиц» (Москва 2005), С.И. Ожегов «Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений» (Москва 1999), А. Курилова «Новый фразеологический словарь русского языка: более 8 000 словарных статей и около 12 000 примеров контекстуального употребления ФЕ» (Москва 2009), «Универсальный фразеологический словарь русского языка: свыше 6000 фразеологизмов» под редакцией Т. Волковой (Москва 2000), А.И. Федоров «Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц» (Москва 2008), Л.А. Воинова «Фразеологический словарь русского языка: свыше 4 000 словарных статей» (Москва 1986), В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина «Большой словарь русских поговорок: свыше 40 000 русских поговорок» (Москва 2008) и др.

Теоретико-методологической базой данного научного исследования послужили труды авторитетных ученых отечественного и зарубежного языкознания: В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, В.Н. Телии, А.И. Федорова, В.П. Жукова, Н.Ф. Алефиренко, А.И. Молоткова, М.М. Копыленко, З.Д. Поповой, А.В. Кунина, О.С. Ахмановой, Ю.А. Гвоздарева, Ю.П. Солодуба, Л.И. Рахмановой, С.В. Скомороховой – в области теории фразеологии; для понимания взаимосвязи языка и мышления необходимы были работы В. Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, а взаимосвязи языка и культуры – работы В.Н. Телии, Е.С. Яковлевой, Б.А. Серебренникова, В.А. Масловой, Ю.Д. Апресяна; отметим работы Е.В. Копыловой, Ж.Б. Есмурзаевой, В.В. Шкатовой, Е.Г. Дрониной, М.Л. Ковшовой, К.В. Манеровой, Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова – в области изучения фразеологизмов как базовых единиц языковой картины мира, отражающих национально-культурную специфику; важными оказались и работы Л.Р. Сакаевой, О.А. Саламатиной, И.А. Кондаковой, Е.А. Универсалюк, В.И. Маркевич, посвященные изучению отдельных компонентов фразеологических единиц (соматизмов, зоонимов, топонимов, антропонимов и др.); В.И. Супруна, Е.Л. Березович, И.А. Кюршуновой, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, С.А. Скуридиной – при изучении теории имени собственного.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие фразеологии, способствуя усовершенствованию и упорядочиванию системы корпуса фразеологизмов, выражающих свое значение

через наименование нереального явления, классифицирует их на основе выявления доминирующего компонента и семантического анализа, учитывая национально-культурные особенности.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов исследования при составлении словаря фразеологизмов, а также при чтении спецкурсов по лексикологии и фразеологии.

Степень научной разработанности проблемы. В настоящее время изучение определенных групп фразеологизмов, их ключевых компонентов, заключающих культурный код, достаточно актуально и востребовано в лингвокультурологии, так как позволяет лучше понять еще не до конца изученную национально-культурную специфику определенного этноса. Важная роль на начальном этапе выделения особых устойчивых выражений в лексике русского языка принадлежит таким знаменитым ученым, как М.В. Ломоносову, который считал, что в словарь русского литературного языка должны войти идиоматизмы, фразесы, В. Далю, описавшему фразеологизмы в «Толковом словаре живого великорусского языка», и М. Михельсону, который разработал двухтомный словарь «Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний». Также наблюдения над устойчивыми выражениями, воспроизводимыми в готовом виде в языке, отражали в своих работах такие именитые ученые, как А.А. Потебня, И.И. Срезневский, А.А. Шахматов, Е.Д. Поливанов, С.И. Абакумов, называя их *словосочетаниями*.

Во фразеологических работах середины прошлого века находит освещение такая проблема, как выделение фразеологии в отдельную дисциплину. Первостепенное значение в выделении проблематики новой для 40-60-х годов отрасли лингвистики имеют работы таких ученых, как В.В. Виноградов, Н.Н. Амосова, В.Л. Архангельский, Н.М. Шанский³.

Современные лингвокультурные исследования фразеологии опираются на научные достижения В.Н. Телии, М.М. Копыленко и З.Д. Поповой, Д.С. Скнарера, Т.А. Зуевой, В.В. Пархомик и др.⁴

Фразеология как отдельная дисциплина была выделена сравнительно недавно, поэтому на сегодняшний день существуют не только варианты употребления некоторых терминов, имеющих отношение к данному разделу языка, но

³ Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: МинПросвещения РСФСР, 1947. 784 с.; Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 208 с.; Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1964. 315 с.; Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1969. 232 с.

⁴ Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.; Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии: фразеосочетания в системе языка. Воронеж: ВГУ, 1989. 92 с.; Скнарев Д.С. Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами: проблемы семантики и прагматики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Челябинск, 2006. 24 с.; Зуева Т.А. Модель анализа фразеологических единиц в лингвокультурологическом аспекте // Уральский филологический вестник. 2012. №5. С. 28–34.; Пархомик В.В. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом «глаза» в немецком, русском и белорусском языках // Молодой ученый. 2015. №3. С. 962–967.

и существует множество определений, подразумевающих широкий и узкий подходы. Это касается как определений самого термина *фразеологизм*, так и определений терминов, являющихся ключевыми компонентами фразеологических единиц, таких как *зооним*, *соматизм*, *оним* и др. Фразеология, отражая наивные представления народа о мире, вербализует особые коды культуры в языке, определения и выделение которых тоже до сих пор служат предметом исследования и споров. Терминологический разлад обусловлен рядом причин, среди которых, как уже было сказано, сравнительная «молодость» фразеологии как науки.

Исследования фразеологизмов, их отдельных ключевых компонентов, культурных кодов, заключенных в данных компонентах, а также языковой картины мира представлены в работах современных лингвистов – В.В. Красных, Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой, Е.Л. Березович, Н.А. Илюхиной, И.А. Долговой, Н.О. Кирилловой и др.⁵.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ключевые компоненты фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, являются доминантами лингвокультурного кода русского народа.

2. Основными компонентами фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, являются соматический, зооморфный, пространственный и временной компоненты.

3. Такие лексемы, как *душа* и *сердце*, являясь наиболее значимыми в духовном кругозоре русского народа и выполняя символическую роль в репрезентации чувств и нравственных качеств человека, в ФЕ, включающих наименование нереального явления, либо опредмечиваются (*камень на душе, на душе кошки скребут, каменное сердце*), либо персонифицируются, приобретая свойственные человеку физические, физиологические и психические качества (*душа поет, сердце радуется, доброе сердце, злое сердце, робкая душа*).

4. Пространство в исследуемых фразеологизмах репрезентируется как нереальное, как территория, которая не существует, находится за гранью материального мира (*на краю света, у черта на куличках*); время также мыслится как нереальное, обозначая момент, который никогда не наступит (*когда рак на горе свистнет, на турецкую Пасху*).

5. Низкая фразеообразовательная активность ключевых компонентов фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального

⁵ Красных В.В. Коды и эталоны культуры // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 19. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 5–19.; Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.; Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.; Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 599 с.; Илюхина Н.А., Долгова И.А., Кириллова Н.О. Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. 188 с.

явления и являющихся доминантами артефактно-вещного, костюмного, гастрономического, религиозно-антропоморфного, религиозно-артефактного, архитектурного и других кодов культуры, объясняется их материальной природой, то есть предметной семантикой.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены в виде докладов на следующих научных конференциях: ежегодная научно-техническая конференция ВГТУ (Воронеж, 2017, 2018); II Международная научная конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 2021), III Международная конференция «Русский язык, литература и культура: прошлое, настоящее и будущее» (Скопье, 2021), международные научные чтения «Язык как материал словесности» (Тверь, 2021), а также научных сессиях ВГТУ 2015-2018 гг.

По теме диссертации опубликовано 6 статей, из которых 4 в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, актуальность и научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, определяются цели и задачи исследования.

В **первой главе «Современный взгляд на развитие фразеологии как лингвистической дисциплины»** описывается становление фразеологии, рассматриваются основные научные труды за последние 80 лет, обозначается терминология и пути развития данной дисциплины. Фразеология как научная дисциплина, которую мы знаем сегодня, прошла долгий путь от выделения в языке устойчивых словосочетаний до объекта исследования многих лингвистических и нелингвистических дисциплин. Исследования в области фразеологии со дня выделения ее в отдельный раздел языкознания можно разделить на несколько этапов, для каждого из которых характерна своя диктуемая временем и степенью научной разработанности проблемы актуальность

В **первом параграфе** описываются этапы выделения фразеологии, а также приводятся различные взгляды на трактовку термина *фразеологизм*. В современной лингвистике существует два подхода к пониманию понятия *фразеологизм*: широкий и узкий. Широкий подход представлен в исследованиях В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, Л.И. Рахмановой, В.Н. Телии и др., которые к фразеологизмам относят «воспроизводимую в готовом виде языковую единицу, которая может состоять из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированную по своему значению, составу и структуре» (фразеологические сращения – *точить балясы*; фразеологические единства – *зарыть талант в землю*; фразеологические сочетания – *хвататься за голову*; фразеологические выражения – *в пух и прах, железная дорога, сторонники мира*)⁶. Узкий подход находит отражение в

⁶ Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Спец. лит., 1996. С. 67.

работах А.И. Молоткова, В.П. Жукова, Н.Н. Амосовой и др., которые относят к фразеологизмам, первую очередь, устойчивые единицы языка с целостным значением, воспроизводимые и раздельнооформленные, компоненты которых утратили признаки слова (фразеологические сращения и единства). Мы придерживаемся широкого подхода к пониманию фразеологического состава русского языка.

Во *втором параграфе* анализируются основные вопросы, рассматриваемые в современных научных работах, посвященных изучению фразеологии.

В.И. Теркулов полагает, что понятие *фразеологизм* – это «лингвистический миф» в связи с тем, что во многих научных работах даны совершенно разные параметры его выделения, сущность которых конвенциональна⁷. В.И. Мокиенко основной задачей считает исследование фразеологизмов не опосредованно, а в языке литературы, СМИ и отмечает огромную востребованность фразеологии в наши дни и связывает это с универсальностью⁸. В работах Н.А. Семеновой, Г.Е. Соколовой, Н.А. Гончаровой исследование фразеологизмов происходит на материале художественных текстов, текстов СМИ, экономической и политической сфер, а также в специальном компьютерном языке. Авторы выявляют основные принципы трансформации фразеологизмов⁹.

Изучение фразеологии вносит вклад в развитие социальной лингвистики. Рассматриваются способы возникновения устойчивых жаргонных сочетаний при помощи трансформации в различных сферах деятельности: политической, экономической, молодежной и т.д. Большой интерес вызывают работы, посвященные изучению языковой картины мира (ЯКМ) через выявление национально-культурной специфики ФЕ в которых объясняется важность изучения фразеологии в рамках лингвокультурологии¹⁰.

В *третьем параграфе* рассматривается понятие *языковая картина мира*, так как, единицами языка, заключающими важную информацию для понимания ЯКМ какого-либо народа, являются фразеологизмы.

На сегодняшний день существует узкий и широкий подходы к пониманию термина ЯКМ. При узком подходе ЯКМ – это особая схема восприятия окружающего мира, действительности, которая фиксируется в

⁷ Теркулов В.И. Фразеологизм и номинатема // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2012. № 4 (32). С. 170.

⁸ Мокиенко В.М.. Жизнь русской фразеологии в современной речи // Вестник КемГУ, серия Филология, изд-во КемГУ, Кемерово. 2012. № 4 (52). Т. 4. С. 59–62.

⁹ Семенова Н.А. Способы трансформации фразеологизмов в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 4. С. 94–99.; Соколова Г.Е. Трансформация и изменение значений некоторых фразеологизмов в современном русском языке // Символ науки, 2016. №1. С. 103–104.; Гончарова Н.А. Трансформации фразеологических единиц в языке прессы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 31. С. 746–750.

¹⁰ Копылова В. Е. Фразеология русского языка как отражение языковой картины мира // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2010. Вып. 4. С. 89–93.; Абрашина Е. Н. Межъязыковые фразеологизмы в описании языковой картины мира // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (59). С. 13-15.

языке и специфична для определенной языковой общности (М.В. Завьялова, Р.Х. Хайруллина, Е.С. Яковлева и др.) при широком ЯКМ – это «субъективный образ объективного мира», т.е. вариант представления концептуальной картины мира через коллективную языковую, речемыслительную деятельность на протяжении длительного времени (Л.А. Климкова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Б.А. Серебренников и др.).¹¹

Наиболее яркими единицами языка, заключающими важную информацию для понимания ЯКМ народа, являются фразеологизмы. Интерпретируя фразеологизм (его компоненты, образ), можно выявить его национально-культурную специфику через такие источники интерпретации, как ритуальные формы народной культуры, паремиологический фонд, систему образов-эталонов, слова-символы, христианство, повлиявшее не только на мировоззрение народа, но и на его историю, интеллектуальное достояние нации, компоненты-реалии, в которых ярко выражены сведения, отражены в страноведческих словарях и прототипы.

Четвертый параграф посвящен понятию *кода культуры*.

За время изучения культурного кода сформировалось множество определений данного понятия, общим для которых в современной лингвокультурологии является представление кода культуры как системы знаковых тел окружающего мира и их наименований в текстах культуры. Коды закрепляются на всех уровнях языка, но особенно ярко они проявляются именно во фразеологии. Компоненты фразеологизмов, вступая во взаимосвязь друг с другом, становятся особыми, ключевыми знаками культуры, которые способны сформировать и отразить специфику мировоззрения, характерного для определенного народа.

Количество культурных кодов достаточно разнообразно, например, выделяют собственно человеческий, или антропный код, зооморфный код, растительный код, природный код, вещно-костюмный код, артефактно-вещный код, архитектурный код, гастрономический код, временной код, числовой код, цветовой код, пространственный код, религиозно-антропоморфный и/или духовный код, религиозно-артефактивный код, телесный или соматический код и космогонический код.

Во второй главе **«Фразеологизмы, выражающие свое значение через наименование нереального явления, как вербализаторы соматического кода русской культуры»** проводится выделение и анализ доминантных соматических компонентов исследуемых фразеологизмов не только как основных элементов при формировании наименования нереального явления, но и как вербализаторов соматического кода культуры, который позволяет сформировать представление о языковой картине мира русского народа.

В **первом параграфе** рассматриваются различные точки зрения на то, какие лексические единицы могут быть отнесены к *соматизмам*. Существуют два подхода к толкованию лексем *соматизм, соматический*: широкий и узкий.

¹¹ Климкова, Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2008. С. 12.

Согласно широкому толкованию, *соматизмы, соматический* – «это средства обозначения явлений, относящихся к сфере телесности»¹². В более узком понимании к *соматизмам, соматической лексике* можно отнести различные признаки телесности, положение тела, его движения: жесты, мимику, позы, выражения лица, душевное состояние¹³. В настоящем исследовании под *соматизмами* понимаются прежде всего языковые средства обозначения явлений, относящихся к сфере телесности, то есть к сфере телесного бытия субъекта в физическом мире (а не отдельные проявления человеческого тела, такие, как жесты, мимика и т.п.).

Соматизмы часто являются доминантным компонентом фразеологизмов и являются ярким отражением человека в языке с точки зрения национально-культурной специфики и языковой картины мира. Важным для исследования является и то, что наименования частей тела, т.е. соматизмы, заключают в себе соматический код культуры, который еще называют *телесным, антропоморфным* или *физиолого-соматическим*.

Соматический код является наиболее древним. В соматическом коде особое место занимают символные функции различных частей тела. Таким образом, наименования частей тела, заключающие соматический код культуры, обладают еще и особым значением как знаки вторичной семиотической системы¹⁴.

Во *втором параграфе* проводится выделение доминирующих соматических компонентов в ФЕ, а также способы формирования нереального образа. В рамках данного исследования в анализируемых фразеологизмах встречаются такие соматизмы, как *сердце* (14), *голова* (13), *мозги* (9), *язык* (10), *глаза* (8), *ухо/уши* (5), *нос* (4), *кровь* (4), *плечо* (3), *нога* (3), *рука* (1), *кость* (1), *пупок* (1). Группа ФЕ с соматизмом *сердце* является одной из многочисленных в рамках данного исследования национально-культурной специфики. Не менее значимыми для познания человеком самого себя и участвующими в формировании нереального явления в ФЕ, являются соматизмы *голова, мозги*.

В ходе исследования были выделены фразеологизмы, содержащие в своей структуре сенсонимическую лексику: *ухо, нос, глаза, язык*. С помощью органов чувств человек, в первую очередь, познает себя: свои ощущения, полученные в процессе работы органов зрения, слуха, осязания, обоняния, органов вкуса. Так активное участие сенсонимической лексики в формировании наименования нереального явления является свидетельством ее важности в языке и отражением национально-культурной специфики.

Отдельную группу составили фразеологизмы с соматизмом *кровь*, в которых значимым компонентом является колороним.

В рамках данного исследования малочисленна группа фразеологизмов, в состав которых входят соматизмы *нога* (3), *плечо* (3), *кость* (1), *рука* (1), *пупок*

¹² Сайфи Л.А. Соматическое пространство языка // Вестник Башкирского университета, 2008. №1 (13). С. 69.

¹³ Верещагин Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. С. 203.

¹⁴ Гудков, Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 26. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 42.

(1). На наш взгляд, это обусловлено тем, что функции, которые выполняют такие части человеческого тела, как руки, ноги, спина и др., в сознании человека представляются наиболее понятными, наглядными; они не скрыты от глаз человека, их строение мыслится наиболее простым с точки зрения физиологии, поэтому фразеологические обороты, включающие подобные соматизмы, не содержат в себе ситуацию, которая в реальной жизни не может существовать.

Наименование нереального явления в ФЕ может вербализовываться с помощью соматизма несколькими способами: в результате опредмечивания какой-либо части тела (*каменное сердце, бумажная душа, еловая голова*); в результате отождествления какой-либо части тела с полноценным самостоятельным организмом/человеком (*душа поет, сердце радуется, голос сердца, глаза разбежались*) или другой частью тела человека (*есть глазами, хлопать ушами, язык сломаешь*); в результате наделения части тела нравственными качествами (*робкая душа, продажная душа, доброе сердце, злое сердце, злой язык*); через наделение части тела человека возможностями, свойственными представителям животного или растительного мира (*головы летят, уши вянут, клевать носом*); через представление части человеческого тела как локализации какого-либо действия, как места хранения (*в голове заклинило, в голове вертится, ветер в голове*).

Вышеперечисленные соматизмы являются не просто единицами лексического уровня языка с закрепленным за ними первичным значением, а выступают единицами, обладающими вторичным значением, который детерминирован русской культурой и формирует соматический культурный код: *сердце* выступает в роли вместилища чувств и эмоций (*сердце радуется, сердце поет*); *голова* – символ власти, главенствующего начала, верха, ума, самого человека (*мякинная голова, голова не варит*); соматизм *мозги* является символом ума, дает качественную характеристику умственной деятельности (*мозги набекрень, мозги не туда повернуты*); *глаз/глаза* – это магическое начало, символ человека, характеристика его духовных данных, познание мира (*глаза разбежались, глаза разгорелись*), символ меры (*мерить глазами*), символ жадности, вожделения (*пожирать глазами*); символ языка – коммуникация, общение (*развязать язык*), язык сравнивается с оружием (*острый язык*), с болтливостью, пустословием (*мозоль на языке, чёрт дёрнул за язык*), характеризует человека (*злой язык*).

В **третьем параграфе** анализируются ФЕ с доминирующим компонентом *душа* (14), так как в соответствии с древними верованиями человека невозможно существование тела без души. Лексема *душа* может быть отнесена к соматизмам на основании того, что употребляется как синонимом к соматизму *сердце*, в русском языковом сознании мыслится как орган, вместилище чувств и эмоций.

В группе ФЕ, содержащих лексему *душа*, нереальность образа возникает в результате того, что: душа как нематериальная сущность характеризуется как предмет осязаемый, материальный (*бумажная душа, чернильная душа,*

мертвые души, душа нараспашку; опредмечивается (*стоять над душой, вынимать душу, всеми фибрами души, камень на душе*); душа наделяется способностью человеческого тела перемещаться в пространстве (*душа в пятки ушла*); душа воспринимается как материальная субстанция, хранящаяся в теле человека, как орган (*вынимать душу*: ср. с сердцем, легкими); происходит процесс отождествления бестелесной души с органами речи, что наделяет душу психофизиологическими возможностями (*душа поет*).

Русская душа – это символ русского характера, русского народа, отражает уникальный менталитет русской нации, а именно: 1) вместительность мыслей, воли, разума; 2) средоточие чувств; 3) символ веры, религиозных традиций; 4) символ жизни.

В **четвертом параграфе** проводится анализ исследуемых ФЕ, включающих наименования, связанные с человеком, как репрезентантов картины мира русского человека.

Картина мира, получая субъективную оценку носителями русского языка и отражаясь в таких его единицах, как фразеологизмы, выражающие свое значение через наименование нереального явления, в формировании которого участвуют соматические компоненты, антропоцентрична. 76 ФЕ (+14 ФЕ с соматизмом *душа*) характеризуют человека с различных сторон, и особое внимание носителями языка уделяется его умственным способностям (19 ФЕ), описанию внутреннего состояния (19 ФЕ), нравственных качеств (13 ФЕ) и речевой деятельности (9 ФЕ). Нереальность явления в данных фразеологических единицах создает образность, экспрессивность. В большинстве случаев ЯКМ через нереальный образ в ФЕ фиксирует пейоративное восприятие носителями языка вышеуказанных состояний. Наличие ФЕ с пейоративным компонентом можно объяснить тем, что любое отклонение от нормы, от существующего в сознании носителя языка идеала, сразу же отражается во фразеологизмах языка, выражающих свое значение через наименование нереального явления. В рамках данного исследования практически не встречаются фразеологизмы, характеризующие физическое состояние человека (5 ФЕ), его внешность (3 ФЕ) через наименование нереального явления, что подтверждает тот факт, что для русского человека наибольшее значение имеют нравственные качества.

Обширный ряд русских фразеологизмов описывает все вышеизложенное с помощью нереального явления, притом значение всего фразеологизма лишь в определенных случаях обозначает то, что не существует в реальности. В денотативном значении описывается нереальная ситуация, когда какой-либо орган наделяется несвойственными для него способностями (петь, ходить, радоваться), далее на основании метонимической связи между человеком и частями его тела, а также символической значимости в жизни русского человека, например, лексем *сердце, душа, голова, мозги, язык, уши*, рождается переосмысленный образ, заключающийся в структуре фразеологизма.

В третьей главе **«Фразеологизмы, выражающие свое значение через наименование нереального явления, как вербализаторы зооморфного и орнитоморфного кода русской культуры»** проводится выделение и анализ

доминантных компонентов-зоонимов исследуемых фразеологизмов не только как основных элементов, участвующих в формировании наименования нереального явления, но и как вербализаторов кодов культуры.

В *первом параграфе* рассматриваются различные трактовки терминов, связанных с обозначением наименований представителей животного мира, которые также являются носителями кодов культуры.

Сегодня существует несколько подобных понятий: *зоолексема, зоосемизм, зооморфизм, зоометафора, анималионим, анимализм* и др. Многие термины, так или иначе обозначающие наименования представителей животного мира, дублируют друг друга.

Понятие *зооним* предполагает два подхода к определению. В широком подходе к определению термина *зооним* относят наименования животных, их клички, названия частей тела животного, слова, образованные от названий животных, предметы, имеющие отношение к животным. В узком значении данный термин включает в себя только наименования животных в прямом значении. В рамках данного исследования мы используем понятие *зооним* в широком смысле.

Образ определенного животного наделяется особым национальным и культурным содержанием. В зооморфном коде культуры, который реализует компонент-зооним во фразеологической единице, выделяют следующие субкоды: *териологический, орнитологический, ихтиологический, инсектологический, герпетологический, амфибиологический и карцинологический коды.*

Называя наименования представителей мира животных зоонимами, мы подразумеваем под ними не только способность данного термина обозначать животных, но и вербализовать особые символы, несущие культурную и национальную специфику (культурный код).

Во *втором параграфе* проводится выделение доминирующих компонентов-зоонимов во фразеологизмах (45 ФЕ), а также способов формирования нереального образа, лежащего в основе ФЕ, которые были разделены по группам на основании их значения: характеристика человека (15), количественное значение (6), временное значение (6), речевая характеристика (5), оценка качества (3), законные/незаконные ситуации (3), финансовая удача (3), природные явления (2), не вошли в группы (2).

Возникновение наименования нереального явления в структуре ФЕ в большинстве случаев происходит за счет уподобления животного мира человеческому с помощью компонента-зоонима несколькими способами: животное наделяется чертами, свойственными человеку (*светский лев, важная птица*); животное наделяется психофизиологическими свойствами, присущими человеку (*курам на смех, кот наплакал*), а также способностью к речевой деятельности (*чушь собачья, бред сивой кобылы*); животное наделяется физическими способностями, свойственными человеку (*когда рак на горе свистнет, комар носу не подточит*); через употребления реалий мира человека в животном мире (*волчий билет, на птичьих правах, медвежий угол*); через сочетание соматизма и зоонима (*кошки скребут на душе, с воробьиный нос*).

Реже встречаются случаи, когда нереальное явление формируется в рамках только лишь животного мира с помощью компонента-зоонима следующими способами: уподобление одного животного другому (*волк в овечьей шкуре, ворона в павлиньих перьях*); через включение в ФЕ физиологических процессов, невозможных для данной особи (*когда мерин окобылеет, когда петух яйцо снесет*); через описание физиологических процессов и свойств, несуществующих в природе (*белые мухи, делать из мухи слона*).

В **третьем параграфе** проводится анализ исследуемых ФЕ с ключевым компонентом-зоонимом с целью выявления особенностей ЯКМ русского человека.

Анализ показал, что в формировании наименования нереального явления в основе фразеологизма участвуют образы животных, которых человек издавна одомашнил и среда их обитания в большинстве случаев не выходит за границы средней полосы России: *курица* (5), *волк* (4), *свинья* (3), *медведь* (3), *воробей* (3), *кошка/кот* (2), *ворон* (2), *конь/кобыла/мерин* (2), *козел* (1), *петух* (1), *мышь* (1), *крыса* (1), *собака* (1). Постоянный контакт с ними русского человека, наблюдение за их повадками, внешним видом определенным образом отразились во фразеологических единицах. Практически не встречаются названия животных, естественное место обитания которых выходит за границы нашей страны: *лев* (1), *крокодил* (1), *слон* (1).

Определенные зоонимы чаще других участвуют в образовании ФЕ, так как наделены особыми культурными смыслами в сознании носителей языка. Образ *курицы* издавна наделялся большим количеством символов: плодородие, демоническое начало. *Свинья* ассоциируется с нечистоплотностью и наглостью, обжорством, невежеством и ограниченностью, символ плодovitости и материнства. Образ *коня* (*кобылы/мерина*) в наивно-языковом представлении русского человека олицетворяет вечного спутника человека, помощника в хозяйстве и незаменимого соратника в бою, но вместе с тем ассоциируется с мощью, необузданностью, свободой, наделяется религиозным смыслом. Образ *волка* архетипичен, поэтому говорить о многослойности данного образа: это и опасный хищник, и санитар леса, он либо наделен мудростью, либо предстает глупым и жадным. Образ *медведя* символичен, многослоен, тесно связан с культурой русского народа, архетипичен. Для лексемы *воробей* характерен антропоморфизм в связи с отношением к данной птице как к части человеческого микрокосмоса, как к эталону малой величины. Образ *ворона* связан с негативной символикой, мотивом хищности, смерти, посредничеством между тремя мирами.

В **четвертой главе «Фразеологизмы, выражающие свое значение через наименование нереального явления, как вербализаторы пространственного и временного кодов русской культуры»** проводится выделение и анализ ключевых пространственных и временных компонентов исследуемых фразеологизмов, их участие в формировании наименования нереального явления, а также изучается их способность выступать вербализаторами кодов культуры, что способствует выявлению национально-культурной специфики ЯКМ русского человека.

В *первом параграфе* дается определение понятий пространство и время, объясняется их особая взаимосвязь при постижении человеком окружающего мира. Пространство по сравнению со временем легче воспринимается человеком, так как это обозримая среда, в которой может храниться что угодно. Время же в представлении человека является определенной последовательностью различных временных интервалов, это абстрактная среда, в которой наивное сознание также «помещает», хранит вещи и события.

Пространственный и временной компоненты ФЕ вербализуют культурные коды, важные для понимания картины мира того или иного народа, а именно *пространственный и временной культурные коды*. *Пространственный код* связывают с членением пространства (внутренний мир человека, фрагменты внешнего мира, которые связаны с родной землей, фрагменты внешнего мира, которые мыслятся как чужой мир). *Временной код* культуры фиксирует членение временной оси (год, месяц, неделя, день, час, минута, секунда), отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в мире и проявляется в отношении человека ко времени.

Во *втором параграфе* проводится выделение доминирующих пространственных и временных компонентов (30 ФЕ), а также способы формирования нереального образа, лежащего в основе исследуемых ФЕ. 16 ФЕ содержат следующие пространственные компоненты, заключающие *пространственный код* культуры: *небо/эмпиреи* (4), *земля/свет* (3), *черт* (2), *царство/государство* (2), *гора* (2), *кулички* (1), *остров* (1), *луна* (1).

Наименование нереального явления репрезентируется: через значения компонентов, заключающих пространственный культурный код, переключаются с мотивом потустороннего мира, нереального места (*за тридевять земель, у черта на куличка*); за счет применения родственных отношений, присущих людям, у потусторонней злой силы (*к чертовой бабушке*); за счет упрощенного представления об устройстве небесного свода и вселенной, что является репрезентацией вертикальной пространственной оси (*на седьмом небе, на край света, с луны свалиться*); за счет невозможности сосуществования реального пространства и пространства внеземного (*рай земной*); за счет употребления несуществующего наименования оронима (*на кудыкину гору*).

В группу с временным компонентом вошли 14 ФЕ, в которых встречаются следующие компоненты, заключающие временной код культуры: *когда* (7), *после* (3), *на + событие во времени* (2), *день* (1), *до + событие во времени* (1).

Наименование нереального явления может репрезентироваться: через физиологические и психофизиологические процессы, заключающие зооморфный код (*когда петух яйцо снесет, когда курица запоет петушину, когда рак нагор свистнет*); с помощью сочетания религиозных понятий, заключающих духовный код культуры и противоречащих друг другу (*когда черт перекрестится, на русский байрам*); с помощью сочетания

временного и природного компонентов, заключающих природный и временной коды, которые создают ситуацию, мыслящуюся в сознании носителей языка как нереальная (*после дождичка в четверг, как гром среди ясного неба*).

В *третьем параграфе* отмечается, что исследование ФЕ, выражающих свое значение через наименование нереального явления, в формировании которого участвуют пространственный и временной компоненты, способствует изучению отражения картины мира и таких его категорий, как пространство и время в языке.

В ЯКМ русского человека нереальное время как момент, который никогда не наступит, всегда вербализуется в ФЕ через наименование нереального явления: человек, чтобы отразить такое видение мира в языке, строил образы, основанные на невозможной в реальной жизни ситуации, в основу которых легли нереальные религиозные образы (*когда черт крестится, на русский байрам*), мифологические (*после дождичка в четверг, после русалкиного заговенья*), зооморфные (*когда рак на горе свистнет, когда сорока побелеет, когда мерин окобылеет*) и антропоцентрические (*когда лысые перекудрявят*).

В ЯКМ нереальное или далекое пространство, которое человек не освоил (*за тридевять земель, у черта на куличках*), характеристика человека, который живет не так, как все (*витать в эмпиреях, с луны свалиться*), счастье (*на седьмом небе, рай земной*), богатство (*золотые горы*), состояние покоя (*сонное царство*), интенсивность действий (*небу жарко*), пространство, наполненное неудачей (*остров невезения*), пейоративные выражения (*к чертовой бабушке, на кудыкину гору*) вербализуются во фразеологизмах через наименование нереального явления, в формировании которого участвует пространственный компонент.

В **пятой главе «Фразеологизмы, включающие наименования нереальных явлений, с доминирующим компонентом с низкой фразеобразовательной активностью»** рассмотрены ФЕ (57), в которых доминирующий компонент, являющийся основным при формировании наименования нереального явления, встречается лишь в нескольких оборотах.

В *первом параграфе* анализируются фразеологизмы-репрезентанты артефактно-вещного и костюмного кодов (10 ФЕ). Нереальное явление в ФЕ с вещным компонентом формируется через представление определенной ситуации: когда функция предмета утвари реализуется без его использования (*без ножа зарезать*); когда размер предмета не позволяет совершить определенное действие (*в ложке воды утопить, буря в стакане воды*); когда предмет содержит абстрактное понятие, представленное как жидкость (*переполнить чашу терпения*).

В ФЕ с костюмным компонентом нереальное явление формируется: через характеристику человека с помощью названия одежды (*рубаха-парень*); через неправильное представление физиологических процессов (*родиться в сорочке*); предмет одежды человека принадлежит существу, которое в сознании человека мыслится как потустороннее (*черт в юбке*); предмет одежды имеет

часть от другого, что может полностью изменить его функции и даже название (*от жилетки рукава*); часть предмета одежды отождествляется с живым существом (*карманная чахотка*).

Во **втором параграфе** анализируются фразеологизмы-репрезентанты гастрономического кода (8 ФЕ). Нереальное явление формируется: через представление пищевого продукта как направления в науке (*профессор кислых щей*); через отождествление привилегированной части общества с продуктом (*сливки общества*); через представление водного объекта и объекта суши как источника пищевых продуктов (*молочные реки и кисельные берега*); через наделение пищевого продукта психическими качествами, свойственными человеку (*горе луковое*).

В **третьем параграфе** анализируются фразеологизмы-репрезентанты религиозно-антропоморфного и религиозно-артефактного кодов (7 ФЕ). Нереальность образа в вышеупомянутых ФЕ достигается: благодаря наличию у бесплотного духовного существа собственного представителя для решения юридических вопросов (*адвокат божий, адвокат дьявола*); через наделение бесплотного духовного существа плотью (*ангел во плоти*); через сочетание религиозных компонентов, не обладающих плотью, и компонента, обозначающего предмет одежды (*ангел в чертовой рубашке*); через представления духа, олицетворяющего злые силы в христианской религии, как средство для перемещения в пространстве (*черт принес*).

В **четвертом параграфе** исследуются фразеологизмы-репрезентанты архитектурного кода (4 ФЕ): *строить воздушные замки, ходячий университет, ума палата, кладезь премудрости*. Формирование нереального явления в ФЕ происходит: через наделение доминирующего компонента физическими возможностями, свойственными человеку (*ходячий университет*); через отождествление сооружения с органом человека (мозг), выполняющим функцию накопления знаний (*кладезь премудрости, ума палата*); через характеристику материала, из которого состоит здание (*строить воздушные замки*).

В **пятом параграфе** был проведен анализ малочисленных групп фразеологизмов, содержащих мифоним или сказочный компонент (3 ФЕ), за счет которых и происходит формирование наименования нереального явления (*леший знает, маг и волшебник, как по мановению волшебной палочки*), компонент, обозначающий печатную/письменную продукцию (3 ФЕ: *ходячая энциклопедия, живая летопись, мертвой буквой*), ФЕ с числовым компонентом (3 ФЕ: *семимильными шагами, семь пятниц на неделе, заблудиться в трех соснах*), нереальность образа в которых основывается на чрезмерном преувеличении, ФЕ с компонентом, обозначающим результат речевой деятельности (2 ФЕ: *голая правда, кормить обещаниями*), а также компоненты, встречающиеся в ФЕ не более 1 раза (таких ФЕ 17).

В **шестом параграфе** отражаются особенности картины мира в ФЕ с редко встречающимся доминирующим компонентом, участвующим в формировании наименования нереального явления. Малочисленность

определенных компонентов, их низкая фразеобразовательная активность в рамках данного исследования, а также неактивное участие в формировании наименования нереального явления в основе ФЕ связаны с их предметной, материальной основой, а также с постоянным взаимодействием человека с данными объектами (костюмный, гастрономический компоненты и др.), с уверенностью в реальности определенных понятий (религиозный компонент, мифоним), с отсутствием определенных исторических и мифологических номинаций.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Ключевые компоненты фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, являются носителями кода культуры русского народа. К таким компонентам, участвующим в формировании нереального образа в основе ФЕ, относятся соматизмы как носители соматического кода культуры, зоонимы как носители зооморфного кода, пространственные и временные компоненты, вербализующие, соответственно, пространственный и временной коды, а также малочисленные компоненты, являющиеся репрезентантами артефактно-вещного, костюмного, гастрономического, религиозно-антропоморфного, религиозно-артефактного и архитектурного кодов культуры.

Соматизмы (90 ФЕ или 40%), зоонимы (45 ФЕ или 21%), а также пространственные и временные компоненты (30 ФЕ или 13,3%), обладают большей фразеобразовательной активностью и чаще других компонентов участвуют в образовании наименования нереального явления во фразеологической единице.

Среди соматизмов наибольшей фразеобразовательной активностью и образностью обладают лексемы *сердце, голова, мозги*, а также лексема *душа* (связанная с человеческим телом в традиционных представлениях русского человека), которые способствуют формированию наименования нереального явления в структуре ФЕ. Количество их употреблений объясняется степенью закрепленности в сознании человека особой роли, символического или иного органа или части тела в освоении окружающего мира, что через соматический код культуры отражает национально-культурную специфику подобных ФЕ. В большинстве случаев нереальное явление во фразеологизме может репрезентироваться в результате опредмечивания какой-либо части тела (*каменное сердце, бумажная душа, еловая голова, чугунные мозги, мерить глазами*), а также в результате ее отождествления с полноценным самостоятельным организмом/человеком (*душа поет, сердце радуется, голос сердца, кровь заговорила, что левая нога хочет*).

Образы таких животных, как *курица, волк, медведь, воробей* наделены символическим смыслом, они являются носителями зооморфного и орнитологического кодов культуры, так как издавна обитают рядом с русским человеком, чем и объясняется их большая частотность в формировании наименования нереального явления в структуре ФЕ посредством наделения этих животных качествами, психофизиологическими и физическими возможностями, свойственными человеку (*курам на смех, кот заплакал, когда рак на горе свистнет, комар носу не подточит*). Особое место вышеперечисленных зоонимов в кар-

тине мира русского человека подтверждает и то, что такие представители животного мира, как *крокодил, лев*, обитающие за пределами нашей страны, встретились лишь единожды.

С помощью пространственного и временного компонентов нереальное явление в большинстве случаев формируется через значения данных компонентов и значения ФЕ (*за тридцать земель, у черта на куличках, на турецкую Пасху*). Пространственный компонент, как носитель пространственного кода, в ФЕ наделен определенной символикой. Пространство в ФЕ репрезентируется как нереальное, как территория, которая не существует, находится за гранью материального мира, что влияет на значение оборотов, которое также представляет нереальное явление, в отличие от многих ФЕ, содержащих соматизмы или зоонимы. С помощью временного компонента, как носителя временного культурного кода, в большинстве случаев нереальное явление может репрезентироваться через физиологические и психофизиологические процессы, заключающие зооморфный код (*когда петух яйцо снесет, когда курица запоет попелушину*), а также сочетания религиозных понятий, противоречащих друг другу (*когда черт перекрестится, на турецкую Пасху*). Время в исследуемых ФЕ мыслится как нереальное, как момент, который никогда не наступит.

Малочисленность определенных компонентов-репрезентантов артефактно-вещного, костюмного, гастрономического, религиозно-антропоморфного, религиозно-артефактного, архитектурного кодов культуры (всего 57 ФЕ или 26%, из которых 17 ФЕ или 7,7 % содержат компонент с единичной репрезентацией), участвующих в формировании нереального явления, их низкая фразеологическая активность в рамках данного исследования, объясняется их материальной природой, ежедневным взаимодействием с человеком (бытовой, пищевой компоненты, компоненты, обозначающие сооружение/его часть), уверенностью в реальности определенных понятий (религиозный компонент, мифоним), с отсутствием определенных реалий. В связи с незначительным количеством подобных компонентов в ФЕ оказалось трудным выявление общей типологии основных способов формирования образа нереального явления, а также выделение самого активного способа репрезентации нереальной ситуации при помощи доминирующего компонента.

В языковой картине мира отражается совокупность представлений о действительности, взгляд языковой общности на мир, ее отношение к окружающей природе, животным, и, конечно, к самому человеку как части данного мира. Фразеологический состав каждого языка отражает свой в чем-то неповторимый способ восприятия мира и его вербализации. Таким образом, ЯКМ – это своего рода единая система взглядов на действительность определенной языковой общности, которая как формирует ЯКМ, так и сама попадает под ее воздействие. Обширный пласт русских фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, является еще одним доказательством того, что язык не всегда фиксирует действительность такой, какая она есть. Лингвокультурологическое исследование подобных ФЕ позволило определить, что с помощью данных оборотов выражается в ЯКМ русского человека, т.е. ка-

кие основные значения ФЕ вербализируются в языке с помощью нереальных ситуаций.

Исследование показало, что картина мира, получая субъективную оценку носителями русского языка и отражаясь во фразеологизмах, выражающие свое значение через наименование нереального явления, в формировании которых участвуют соматические компоненты, антропоцентрична. Нереальное явление в данных ФЕ в большинстве случаев характеризуют человека (79 из 90 ФЕ). Особое внимание носителями языка уделяется умственным способностям: соматизмы *голова* и *мозги* служат не только характеристикой интеллекта человека, но и дают оценку человека в целом (*дубовая башка, чугунные мозги, ветер в голове, мякинная голова*). Нереальный образ в основе ФЕ позволяет представить не просто бестолкового человека, но и соотнести его с очень твердым, непробиваемым или мягким и бесформенным предметом.

Довольно часто нереальное явление в ФЕ описывает внутреннее состояние и нравственные качества. Большинство оборотов имеют негативную эмоционально-оценочную окраску, так как описывают отсутствие духовности и сердечности как важных и особых качеств русского человека. Соматизмы *душа* и *сердце*, выполняя символическую роль репрезентации чувств и нравственных качеств человека, либо опредмечиваются в ФЕ (*камень на душе, всеми фибрами души, бумажная душа, каменное сердце*), либо «оживают», сами отождествляются с человеком, наделяясь свойственными ему физическими, физиологическими и психическими качествами (*душа поет, сердце радуется, душа в пятки ушла, доброе сердце, робкая душа*).

Большое количество ФЕ, характеризующих человека через нереальные явления, в формировании которых участвуют зоонимы, как носители зооморфного и орнитологического кодов, – результат антропоморфного принципа познания действительности и отражения ее в ЯКМ, чему свидетельствуют ФЕ, в которых происходит наделение животных качествами, психофизиологическими и физическими возможностями, свойственными только человеку, для его же характеристики (*светский лев, важная птица, врет как сивый мерин, нем как рыба* и др.)

В ЯКМ русского человека в формировании наименования нереального явления в основе ФЕ участвуют образы животных, которых человек издавна одомашнил, а среда их обитания в большинстве случаев не выходит за границы средней полосы России. Постоянный контакт русского человека с такими животными, как курица, свинья, лошадь, медведь, волк, ворона, воробей, наименования которых наделены символическими смыслами, наблюдение за их повадками определенным образом отразились в ФЕ.

Как и в случае с ФЕ, содержащих соматизм, ФЕ с компонентом-зоонимом в большинстве случаев пейоративны, что связано со стремлением человека отразить в ЯКМ стереотип о том, что не только он может являться носителем отрицательных качеств. Также в ЯКМ русского человека с помощью зоонима нереальное явление формируется как в структуре, так и в значении в том случае, если фразеологические единицы обозначают количество (ничего), время (никогда), оценку качества (что-то не обладает каким-либо свойством), результат ре-

чевого акта (полый вздор, невозможный в реальности), а также мнимую прибыль (прибыль от ещё не осуществлённого предприятия).

В русской ЯКМ нереальное или далекое пространство, которое человек не освоил, характеристика человека, который живет не так, как все, не связан с реальностью, в языке вербализуются во фразеологизмах через нереальное явление, в формировании которого участвует пространственный компонент-репрезентант пространственного кода (*у черта на куличках, у черта на рогах, за тридцать земель, витать в эмпиреях*).

Также в ЯКМ русского человека нереальное явление всегда вербализует нереальное время как момент, который никогда не наступит, для чего человек, чтобы отразить такое видение мира в языке, строил образы, основанные на невозможной в жизни ситуации, причем абсурдность и нереальность ситуации, осознается всеми участниками коммуникативного акта, что повлияло на ироничный или шутливый тон ФЕ (*когда черт крестится, после дождичка в четверг, когда лысые перекудряеют*).

ФЕ с малочисленными компонентами также в большинстве случаев характеризуют человека (25 из 57 ФЕ). В русской ЯКМ характеристика человека через нереальное явление может происходить благодаря пищевым компонентам-репрезентантам гастрономического кода (*амбар жиру, казенка мяса, горе луковое, сливки общества*), религиозным компонентам-репрезентантам религиозно-антропоморфного и религиозно-артефактного кодов (*ангел во плоти, черт в юбке, ангел в чертовой рубашке*), с помощью понятий, имеющих отношение к науке, образованию (*ходячая энциклопедия, профессор кислых щей*), вещевых компонентов-репрезентантов костюмного кода (*рубаха-парень*) и многих других (*маг и волшебник, живая летопись, семь пятниц на неделе*). Но данные компоненты встречаются достаточно редко в исследуемых ФЕ в силу своей материальной природы, что не позволяет создавать нереальные образы с их участием в основе ФЕ.

ФЕ с малочисленными компонентами используются при описании особенностей речевого акта и его результатов, негативного воздействия на субъект, при описании достатка, удачливости, бестолковых действий, судьбоносного события/решения, ориентира, скорости, количества, смерти, научного понятия. Такое разнообразие значений, передаваемых с помощью нереального явления в основе ФЕ, свидетельствует о том, что русский человек в ЯКМ склонен отражать особое видение действительности через ситуации, в реальной жизни которые невозможны.

Большое количество ФЕ, выражающих свое значение через наименование нереального явления, с негативной оценкой (40% с отрицательно-оценочным значением, 30% с ироническим, 20% с нейтральным и 10% с положительным) в русской ЯКМ можно объяснить тем, что любое отклонение от нормы (низкий интеллектуальный уровень, внутреннее состояние, связанное с тревогой, огорчением, низкий нравственный уровень и т.д.), от существующего в сознании носителя языка идеала сразу же отражается в языке.

Это лишний раз служит доказательством того, что закрепленные в языке знания о мире определенной языковой общности в значительной мере отлича-

ются от объективной действительности, так как по своей природе ЯКМ – это субъективное отражение объективных вещей.

Так, из 222 русских фразеологизмов 120 оборотов через наименование нереального явления, в формировании которого участвуют соматизмы, зоонимы и ряд других компонентов (предметный, пищевой, религиозный) характеризуют человека: его интеллектуальные способности, внутреннее состояние (чувства, эмоции), нравственные качества и личностные, речевую деятельность, физическое состояние, внешность, финансовое положение, положение в обществе и особенности восприятия действительности. Особое внимание в ФЕ уделяется характеристике умственных способностей человека (27 ФЕ), причем большая их часть имеет пейоративную окраску (19 ФЕ): *дубовая башка, чугунные мозги, ветер в голове, разбирается как свинья в апельсинах* и др. Основными лексемами, участвующими в формировании нереального явления, характеризующего уровень интеллекта человека, стали соматизмы *голова* (10) и *мозги* (8). Также в ЯКМ нереальное явление, формирующееся при помощи соматизмов *голова* и *мозги*, которые в сознании русского человека отождествляются с умственной деятельностью, характеризует низкий интеллектуальный уровень.

Нереальные явления во фразеологизмах могут характеризовать нравственные качества человека (22 ФЕ): *злое сердце, черствое сердце, продажная душа, робкая душа, волк в овечьей шкуре, ангел во плоти, ангел в чертовой рубашке* и др. Основными лексемами, участвующими в формировании нереального явления, характеризующего нравственные качества человека, стали соматические компоненты *душа* (7) и *сердце* (5), символизирующие сильные чувства. Также характерной чертой данных ФЕ стала их пейоративная окраска (14 ФЕ), что свидетельствует о репрезентации в языке отклонение от нормы, которое заключается в отсутствии духовности и сердечности как важных и особых качеств русского человека.

Подобная ситуация наблюдается и ФЕ, где нереальное явление характеризует и внутреннее состояние человека, т.е. его эмоции и чувства (20 ФЕ): *сердце кипит, камень на душе, кошки скребут на душе, сердце кровью обливается, сердце петухом поет* и др. Данные ФЕ через нереальное явление в основе оборота описывают тревогу/огорчение, счастье, страх, удивление, равнодушие, ненависть, т.е. большинство фразеологизмов (15 ФЕ) обозначают какие-либо отрицательные эмоции и чувства (*камень на душе, сердце кровью обливается, повесить нос, сердце обросло мхом* и др.), подтверждая то, что в рамках данного исследования в большинстве русских фразеологизмов через нереальное явление в ФЕ вербализуется именно несоответствие идеалу (интеллект и нравственные качества высокие, чувства и эмоции положительные).

В русской ЯКМ нереальное явление во фразеологизмах лишь в определенных случаях также обозначает то, что нереально, не существует, никогда не произойдет. К таким ФЕ относятся обороты, обозначающие нереальное или далекое пространство, которое человек не освоил (*у черта на куличках, у черта на рогах*), время как момент, который никогда не наступит (*когда курица запоет по-петушину, когда мерин окобылеет, когда лысые перекудрявят*), нулевое количество (*от жилетки рукава, кот заплакал, курячье вымя, свинье*

ножки), оценку качества, когда что-то не обладает каким-либо свойством (*на рыбьем меху*), невозможный в реальности вздор как результат речевого акта (*бред сивой кобылы, чушь собачья, пустой звук*), а также нулевой достаток (*делить шкуру неубитого медведя, карманная чахотка, финансы поют романсы*).

Таким образом, данное исследование позволило выделить определенную типологию способов образования наименований несуществующих в реальности явлений в структуре ФЕ с соматизмами, зоонимами, пространственными, временными и различными малочисленными компонентами, выявить их роль в формировании нереального образа, что, в свою очередь, раскрыло не только структурно-компонентную, но и национально-культурную специфику русских фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, через культурные коды, носителями которых являются доминирующие в ФЕ компоненты.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора

Научные статьи в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторской диссертации

1. Милованова, А.И. Отражение пространства и времени во фразеологизмах, выражающих значение через нереальные явления / А.И. Милованова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 12(78): в 4-х ч. – Ч. 1. – С. 125–128.

2. Милованова, А.И. формирование нереального явления в структуре фразеологизмов с помощью компонента-зоонима / А.И. Милованова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 2(80). – Ч. 2. – С. 341–343.

3. Милованова, А.И. Формирование нереального явления в структуре фразеологизмов с помощью соматического компонента / А.И. Милованова // *Litera*. – 2018. – № 1. – С. 63–69.

4. Милованова, А.И. Ключевые зооморфные образы как носители кода культуры во фразеологизмах, выражающих значение через наименование нереального явления / А.И. Милованова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – Воронеж: ВГТУ, 2021. – № 3(42). – С.7–11.

Научные статьи в других отечественных и зарубежных изданиях

5. Милованова, А.И. Малочисленные компоненты во фразеологизмах, выражающих свое значение через нереальное явление / А.И. Милованова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – Воронеж: ВГТУ, 2018. – № 1(28). – С. 28–33.

6. Милованова, А.И. Фразеологизмы, выражающие свое значение через образ нереального явления (на примере русского и английского языков) / А.И. Милованова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – Воронеж: ВГТУ, 2018. – № 2(29). – С. 110–115.

Подписано в печать 21.09.2021
Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ № 159.
Отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября. 84